

30 МАР. 1969

г. Тула

Газета № . . .

вич Брустин, выпускник Ленинградского художественного училища, пришел работать в Новомосковский драматический театр. Тогда, случалось, в порыве творческой фантазии он отрывался от «земли» — от спектакля. Художественное оформление оказывалось самоцелью молодого декоратора. Он «проявлял» себя, забывая о режиссерских задачах.

Творческая зрелость пришла к Л. Я. Брустину довольно быстро. Много лет он уже смотрит на художественное оформление, как на один из очень действенных компонентов спектакля, и подчиняет этому все свое творчество.

Вот он готовится к постановке спектакля «Егор Булычов и другие». Как помочь режиссеру, творческому коллективу обнажить острый социальный конфликт пьесы? Егору Булычову нет места в собственном доме. Здесь он лишний. Потолок, стены, вещи — все должно давить на Егора, все необходимо выдержать в темных тонах, — решает Брустин.

В комнате Егора Булычова низкий

в спектакль, составляют с ним одно органическое целое, помогают актерам жить на сцене, лучше объясняться со зрителем на языке искусства.

Хорошо, когда рядом режиссер, по духу близкий художнику. Со многими постановщиками приходилось трудиться Брустину плечом к плечу, ведь оформил он не два и не три, а сто спектаклей. Вспоминается замечательное содружество с режиссером А. Соколовым. Они настолько дополняли друг друга, что после выхода спектакля не могли определить, кому принадлежит та или иная находка, то или иное открытие.

Не с каждым постановщиком устанавливались такие отношения. Приходилось и горячо отстаивать свои позиции художника — оформителя. В творческом споре рождался тот же «Егор Булычов и другие». Замысел режиссера во многом сводил драму социальную к бытовой драме. Художник не мог принять такой трактовки. Что-то удалось отстоять, в чем-то, к сожалению, уступить; в конечном итоге слово режиссера решающее.

путь спектакля — это не только хороший рисовальщик, хороший живописец, но и режиссер, и инженер, и архитектор. И, конечно же, человек высокой культуры, широко эрудированный.

Два года назад туляки с интересом осматривали выставку работ Л. Я. Брустина. В экспозиции их насчитывалось около трехсот. Собранные вместе, они наглядно показывали, насколько широк диапазон художника, как лаконичен и выразителен он в спектакле любого жанра, драматурга любой эпохи. То — мягкие и лиричные, то суровые и смелые, то безудержно веселые — таковы эскизы Брустина к спектаклям. И еще об одном свидетельствовали они: в своих поисках, в своих открытиях художник всегда остается верен классическим традициям русского театрально-декоративного искусства.

Последняя работа Л. Я. Брустина — спектакль «10 суток за любовь». В нем много света, комедийной яркости, оптимизма и много нового, индивидуального, идущего от Брустина.

Вначале я привела слова художника о трудной и беспокойной его жизни во время работы над спектаклем. Но, пожалуй, это не все. И после спектакля художник не успокаивается. Ищет свои просчеты и недостатки, наблюдает жизнь, делает наброски, пишет этюды. Творчество — процесс непрерывный, пламя творческого беспокойства пылает, как вечный огонь.

Пятнадцатилетие деятельности Л. Я. Брустина в Тульском драматическом театре, где с 1956 года он является главным художником, совпало с большим радостным событием — присвоением ему звания заслуженного художника РСФСР. Эта высокая, но заслуженная оценка творчества художника, несомненно, вдохновит его на новые творческие поиски, на удачное решение многих и многих спектаклей.

З. ДМИТРИЕВА.

На снимке: Л. Я. Брустин.

— Когда новая пьеса принята театром к постановке, и мне поручено художественное оформление спектакля, — рассказывает Лев Яковлевич Брустин, — я совершенно теряю покой. Очень трудно живу. Иногда бессонница. Иногда встаю среди ночи, беру за карандаш, начинаю делать какие-то наброски.

Беспокойство, мучительный поиск лежат в основе того, что принесет потом радость и самому художнику, и людям, пришедшим в театр.

На спектакле зрители зачастую встречаются с художником прежде, чем с актерами. Со сцены еще не прозвучало ни одного актерского слова. Но занавес поднят, и художник уже вводит зрителя в мир, где будут сей-

БЕСПОКОЙСТВО

час развиваться события. За эти короткие минуты — две он уже настроил его на определенное восприятие спектакля, будто дал в руки золотой ключик, которым открывается волшебный ларец со сценическим представлением.

О чем должна говорить та или иная картина? Как разместить актеров на сценической площадке? Какими вещами их окружить, в какие костюмы одеть? К каким художественным средствам прибегнуть, чтобы лучше воссоздать колорит эпохи, поставить нужные акценты на столкновении характеров и взглядов? Множество вопросов требует от художника ясного и точного ответа. А ответить на них не так-то просто. Спектаклей много. Разные времена, разные социальные формации, разные люди, города, страны. Архитектура, быт и искусство, литература, предметы быта того времени, какие они? Без конца мобилизуй свои знания, заставляй усиленно работать память, открывая и листай одну страницу книги за другой; то романа, то повести, то этнографического справочника. Ищи одий, ищи вместе с режиссером.

В бессонный ночной час, в троллейбусе по дороге домой, в мастерской театра вдруг придет к художнику озарение. Иногда представится весь будущий спектакль в цвете и зазвучит будто музыка. Тона: то яркие, сочные, то приглушенные, настраивают Льва Яковлевича на сильную творческую волну. Ему срочно требуются стол, карандаш, кисть. Он делает наброски. Один, другой, третий... Их много, набросков одной и той же сцены, или одного и того же костюма.

Семнадцать лет назад Лев Яковле-

потолок, лестница полукольцом: она создает впечатление замкнутости, безвыходности, громоздкая мебель. Огромный диван, на котором никто не может чувствовать себя уютно и хорошо, в том числе и сам Булычов, художник поставил так, что мимо него постоянно ходят люди. Тесно, душно в этой обстановке Булычову.

Иначе оформляет Брустин спектакль «Такая любовь». Здесь он удачно использует проекцию. Экран позволяет зрителям видеть, как воскресают в памяти действующих лиц события минувших дней.

Здесь присутствуют в какой-то степени символика и условность. Но все отличается тонким вкусом, большим художественным чутьем настоящего мастера. Даже, на первый взгляд, незначительные детали оказываются очень образными и яркими, говорят о многом, как, например, говорит легкая сиреневая косынка — занавес на темно-сером поргале — нежный и грустный символ любви погибшей девушки.

Брустин строго следует правилу: форма должна вытекать из содержания, помогать осмыслению всего происходящего на сцене. Приемов наплывов, проекции вы не увидите в его шекспировских спектаклях или в классической русской драматургии. Новшествами он насыщает современную пьесу, отображающую жизнь нашего бурного двадцатого века. А в «Марии Стюарт», например, художник скрупулезно точен в отборе деталей, в выборе декорации, реквизита. Иногда он увлекается и останавливает себя сам: не слишком ли много подробностей, не мельчить. Как важно здесь чувство меры! Нужны только те находки, которые вписываются

Время идет, а чувство некоторой неудовлетворенности этим спектаклем так и не покидает Брустина.

Немало претензий он предъявляет и себе: в этом спектакле одно, в том — другое можно было сделать лучше. Все это учитывается на будущее, из всего извлекается урок. Может быть, поэтому художественное оформление спектаклей Брустиным отличается строгой продуманностью, тонким художественным чутьем. С ним легко работать многочисленным представителям различных служб театра: художнику — исполнителю, парикмахерам, костюмерам, бутафорам, электроосветителям, плотникам — всем тем, кого объединяет так называемая постановочная часть театра, воплощающая в жизнь художественные замыслы. Требования Брустина всегда предельно ясны, расчеты исключительно точные. Если речь, например, идет о каких-то сооружениях, о мебели — все выверено до сантиметра. Лев Яковлевич привык к точности. Приучила война. Он был одним из тех, кто в июне 1941 после школьного выпускного бала надел солдатскую шинель и зашагал по дорогам войны. К точности его приучила солдатская профессия минера. Сколько мин он заложил на дорогах врага, сколько обезвредил при его отступлении!

Война обострила в нем чувство художника. Фронтowymi набросками и зарисовками были наполнены в те годы его блокноты. Это определило дальнейшую судьбу молодого человека. Демобилизовавшись через год после окончания войны, Брустин пошел учиться очень сложному и трудному мастерству театрального художника. Художественный оформи-